Никогда не называй меня своей

Елизавета ЛЕМКНИ

Никогда не называй меня своей

«Автор»
2026

ЛЕМКНИ Е.

Никогда не называй меня своей / Е. ЛЕМКНИ — «Автор», 2026

После смерти отца мне достался роскошный отель на берегу моря. И долги, способные уничтожить всё, что наша семья строила двадцать лет.Когда Александр Северин предложил спасти отель, я решила, что мне наконец повезло. Но у него оказалось одно условие.Девяносто дней я должна притворяться его невестой. Носить подаренное им кольцо. Улыбаться перед камерами. Позволять ему прикасаться ко мне так, словно мы действительно любим друг друга. Никаких чувств. Никаких обязательств. Только сделка.

© ЛЕМКНИ Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо о взыскании 5
Глава 2. Неприличное предложение 14
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Елизавета ЛЕМКНИ
Никогда не называй меня своей

Глава 1. Письмо о взыскании

В тот день, когда я узнала, что скоро останусь без дома, я выбирала цвет салфеток.

Белые или шампань.

На столе передо мной лежали шесть образцов ткани, аккуратно разложенных веером. Я смотрела на них уже несколько минут, пытаясь убедить себя, что решение действительно имеет значение. В конце концов, если достаточно долго сосредотачиваться на мелочах, можно почти поверить, что большие проблемы перестают существовать.

Мне всегда нравилось это свойство человеческого разума. Его удивительная способность цепляться за совершенно бессмысленные вещи в тот момент, когда всё остальное рушится.

Белый был слишком холодным. Шампань — слишком жёлтым.

Я провела пальцами по плотной ткани, разглаживая складку, которой не было.

За высокими окнами ресторана начинался дождь. Мелкий, почти невидимый, он постепенно стирал границу между морем и небом. Ещё утром горизонт был чётким, а теперь обе серые бесконечности сливались в одно огромное пространство, лишённое начала и конца.

В детстве я любила смотреть на море именно в такую погоду.

Отец говорил, что в шторм вода кажется чёрной только тем, кто смотрит на неё издалека. Я так и не поняла, что он имел в виду. Возможно, ничего. Возможно, взрослые просто иногда произносят красивые фразы, чтобы дети запомнили их умными.

Теперь я сама стала такой взрослой.

На экране телефона в шестой раз высветилось имя нашего юриста. Я не ответила.

Мне было двадцать семь лет. Я управляла отелем на сто восемьдесят два номера, знала по именам большую часть сотрудников, умела определять настроение гостей по тому, как они входили в холл, и могла за пятнадцать минут разрешить конфликт, который ещё пять минут назад казался причиной международного скандала.

Но в тот день я боялась одного телефонного разговора. Страх вообще оказался довольно унизительным чувством. Никогда не приходит вовремя. Никогда не предупреждает. Не заботится о том, насколько нелепо ты будешь выглядеть, когда он внезапно сожмёт тебе горло посреди обычного рабочего дня.

Я снова перевернула телефон экраном вниз.

За моей спиной негромко играло фортепиано. Из кухни доносился запах свежеиспечённого хлеба. Где-то в дальнем конце зала звякнула посуда, и кто-то из официантов тихо рассмеялся. Отель жил своей жизнью. Это было самым невыносимым.

Когда четыре месяца назад умер отец, меня поразило не то, насколько сильно может болеть утрата. К боли я была готова. Все знают, что смерть близкого человека причиняет боль. Об этом пишут книги, снимают фильмы, говорят в больничных коридорах.

Меня поразило другое. На следующее утро после его похорон в ресторане закончились лимоны. В бухгалтерии потеряли накладную. В одном из номеров сломался кондиционер. А постоянная гостья из Москвы потребовала переселить её на этаж выше, потому что вид на море с седьмого оказался недостаточно впечатляющим.

Мой отец умер, а мир не счёл нужным даже немного замедлиться.

Я помню, как стояла тогда перед открытым холодильником на кухне, слушая, как шеф-повар объясняет проблему с поставщиком, и думала о том, что больше никогда не услышу отцовских шагов в коридоре. Никогда. Странное слово.

До определённого возраста оно кажется почти романтическим. Люди обещают никогда не расставаться, никогда не забывать, никогда не переставать любить. А потом однажды понимаешь, что у этого слова есть и другое значение. Гораздо более точное.

— Вера Глебовна?

Я подняла голову.

Полина, наш новый банкетный менеджер, стояла напротив, прижимая к груди папку с образцами оформления. Ей было двадцать три, она ужасно боялась допустить ошибку и по неизвестной мне причине считала, что я умею решать абсолютно любые проблемы.

Иногда мне хотелось рассказать ей правду. Что я регулярно забываю завтракать. Что три недели не разбирала бельё после стирки. Что по вечерам могу по двадцать минут сидеть на полу ванной комнаты, потому что там не нужно ни за кого отвечать.

Но вместо этого я поправила рукав блузки.

— Белые, Полина.

Она облегчённо улыбнулась.

Не потому, что выбор был удачным. Просто ещё одна маленькая проблема перестала существовать.

Как же я ей завидовала.

В кабинете отца всё ещё пахло им. Не сильно. Едва уловимо. Дорогим табаком, которым он почти не пользовался, старой бумагой и древесиной.

Я никогда не замечала этот запах, пока он был жив. Теперь же улавливала его всякий раз, когда открывала дверь, и каждый раз мне хотелось задержаться на пороге.

Здесь почти ничего не изменилось. Тёмный письменный стол стоял у окна. В книжном шкафу за стеклом теснились одинаково строгие переплёты. На стене висела фотография отеля, сделанная в год его открытия: светлое здание на скалистом берегу, ещё без современного крыла и стеклянной террасы.

Мне было семь, когда отец повесил её здесь. Двадцать лет.

Иногда мне казалось, что этот кабинет существует вне времени. Что если я закрою глаза достаточно крепко, то услышу шелест страниц, скрип кожаного кресла и раздражённый голос, требующий не отвлекать его по пустякам.

Вместо этого раздался телефонный звонок. На этот раз я ответила.

Юрист говорил долго, осторожно подбирая слова. Я слушала, глядя на тонкую трещину в деревянной поверхности стола. Никогда раньше её не замечала.

Просроченная задолженность. Обеспечительные обязательства. Требование о досрочном погашении. Вероятность обращения взыскания.

Слова были знакомыми. Я слышала их на совещаниях, видела в отчётах, читала в документах, которые подписывала последние четыре месяца. Но раньше они оставались словами. Теперь у каждого из них появилось собственное лицо.

Лицо Полины, которая недавно купила квартиру в ипотеку. Лицо Михаила Петровича, нашего ночного охранника, который работал здесь с самого открытия. Лицо пожилой горничной Валентины, однажды принёсшей мне домашние пирожки после похорон, потому что я, по её словам, совсем исхудала.

Двести четырнадцать сотрудников. Двести четырнадцать человек, чьи жизни так или иначе зависели от решений, которые принимала я.

Мне стало трудно дышать. Я медленно подошла к окну, прижала свободную ладонь к холодному стеклу и сосредоточилась на ощущении прохлады под пальцами.

Юрист продолжал говорить.

Я поняла главное ещё до того, как он закончил. Времени почти не осталось.

После разговора я ещё несколько минут стояла неподвижно, держа телефон у уха. Только когда погас экран, заметила, что в кабинете давно стало темнее. На стекле отражалась незнако-

мая женщина. Прямая спина, собранные волосы, бледное лицо. Белая шёлковая блузка, которую я купила специально для встречи с потенциальными инвесторами.

Выглядела она вполне убедительно.

Жаль, что мне не удалось стать ею по-настоящему. Я не плакала. Последние месяцы я вообще редко плакала. Иногда мне казалось, что слёзы требуют какого-то особенного запаса сил, которого у меня больше не было.

Вместо этого я открыла финансовую таблицу на ноутбуке. Столбцы цифр встретили меня привычным холодным порядком. Семьдесят восемь миллионов рублей. Именно столько составляли наши обязательства по основному кредитному договору с учётом начисленных процентов и просроченных платежей. Для отеля с подобным оборотом сумма не была фантастической. По крайней мере, так мне говорили люди, привыкшие обсуждать деньги, которых я никогда не видела на одном счёте.

Проблема заключалась не в общей стоимости бизнеса. Проблема заключалась в том, что деньги понадобились слишком быстро.

Кредитор отказался от очередной отсрочки. Переговоры о рефинансировании затягивались. Осенний сезон обещал быть слабее прогнозов, а дорогостоящая реконструкция западной террасы, начатая отцом, поглотила почти все свободные средства.

Я знала эти цифры наизусть. Знала, сколько мы задолжали поставщикам. Сколько должны были получить за предстоящие мероприятия. Какой объём платежей приходился на конец месяца.Я знала и то, что цифры не сходятся.

Не сходились вчера. Не сходились неделю назад. Не сходились даже в те дни, когда я позволяла себе верить, что ещё немного, и всё обязательно наладится.

Отец всегда говорил, что главное качество руководителя — способность принимать решения без эмоций. Я когда-то восхищалась этим. Теперь хотелось спросить, почему он не научил меня принимать решения, когда эмоций уже не осталось.

На столе лежала его старая перьевая ручка. Я взяла её, покрутила между пальцами и неожиданно вспомнила, как в детстве просила разрешения поставить ею подпись на каком-нибудь важном документе. Отец тогда рассмеялся. Редко, по-настоящему рассмеялся. И сказал, что однажды я буду подписывать столько бумаг, что возненавижу собственное имя. Он оказался прав. Как и во многом другом.

Только почему-то не предусмотрел, что однажды этих бумаг окажется достаточно, чтобы уничтожить всё, что он строил.

На экране появилось новое письмо. От неизвестного отправителя.

Тема была короткой:

«Предложение о финансировании отеля Море».

Я открыла его скорее по привычке, чем из интереса. Письмо занимало всего несколько строк. Отправитель представлял инвестиционную компанию и предлагал обсудить возможное участие в реструктуризации задолженности отеля. Ничего необычного. За последние месяцы я получила десятки подобных предложений. Одни компании хотели получить контроль над нашим бизнесом, другие предлагали условия, которые имели смысл только для людей, искренне убеждённых в моей полной финансовой безграмотности.

Я уже собиралась закрыть сообщение, когда заметила последнюю строку.

«Госпожа Арсеньева, полагаю, мы можем предложить вам нечто большее, чем деньги».

Подпись. Александр Северин.

Имя ничего мне не говорило. Я перечитала письмо ещё раз.

Ни комплиментов нашему отелю, ни пространных рассуждений о перспективах туристического бизнеса. Только сухое предложение о встрече, контактный номер и несколько фраз, из которых следовало, что отправитель прекрасно осведомлён о нашем финансовом положении.

Это настораживало. Информация о задолженности не была абсолютной тайной, но точные сроки переговоров с кредитором знали немногие.

Я открыла сайт инвестиционной компании. Строгий дизайн. Несколько завершённых проектов. Фотографии бизнес-центров, жилых комплексов и гостиниц. Раздел с пресс-релизами, в котором фамилия Северина встречалась достаточно часто, чтобы я почувствовала лёгкое раздражение.

Тридцать два года.

Основатель и управляющий партнёр.

Один из самых молодых предпринимателей региона, сумевших вывести собственную компанию на федеральный рынок. На фотографии он стоял перед стеклянной стеной какого-то офисного здания. Тёмные волосы. Серый костюм. Неприветливый взгляд. Красивый мужчина.

Это было первое, что я отметила, и второе, за что немедленно себя осудила. Сейчас меня должны были интересовать исключительно финансовые показатели его компании, а не то, насколько удачно природа расположила черты его лица.Я закрыла фотографию.

Потом открыла снова. На этот раз исключительно для того, чтобы лучше запомнить человека, с которым, возможно, придётся вести переговоры. Разумеется.

К пяти часам дождь превратился в настоящий ливень. Вода стекала по высоким окнам холла, дробя отражения люстр на сотни дрожащих золотых линий. Вращающаяся дверь то и дело впускала внутрь влажный холод, запах мокрой листвы и раздражённых гостей, которым погода испортила тщательно спланированный отдых.

Я спустилась проверить подготовку к вечернему приёму. В центральном зале накрывали столы для благотворительного ужина. Один из подрядчиков опаздывал с цветами, банкетный менеджер едва не плакала, а шеф-повар сообщил, что поставщик привёз не тот сорт рыбы.

Обычный четверг.

Удивительно, насколько успокаивающей бывает чужая некомпетентность, когда у тебя самой всё окончательно выходит из-под контроля. По крайней мере, проблему с рыбой можно было решить.

Я провела на кухне почти двадцать минут, согласовывая изменения меню. Затем поднялась на второй этаж, проверила освещение в малом зале и уже собиралась вернуться в кабинет, когда заметила пожилого мужчину у окна.

Он стоял, опираясь на трость, и смотрел на море.Я узнала его не сразу. Антон Сергеевич приезжал к нам каждую осень. Всегда один, всегда в один и тот же номер. Несколько лет назад умерла его жена, с которой они когда-то провели здесь медовый месяц. С тех пор он продолжал приезжать.

Однажды я спросила, не тяжело ли ему возвращаться в место, где всё напоминает о ней. Он ответил, что именно поэтому и возвращается.

Сейчас он стоял перед окном, положив ладонь на холодный подоконник, и выглядел совершенно спокойным. Я не стала подходить. Впервые за весь день мне захотелось, чтобы кто-нибудь объяснил, как люди учатся жить с отсутствием. Не привыкать. Не отвлекаться работой. Не убеждать себя, что время лечит. Просто жить. Зная, что кто-то больше никогда не войдёт в дверь.

Я отвернулась раньше, чем он успел меня заметить.

В холле уже зажигали вечернее освещение. Золотистые круги настенных ламп ложились на мрамор, отражались в зеркалах и превращали огромное пространство в нечто почти домашнее.

Отец любил этот час. Говорил, что хороший отель должен производить впечатление дома, в который человек всегда хотел вернуться, даже если никогда раньше в нём не был.

Я провела рукой по отполированным деревянным перилам. Иногда мне казалось, что он оставил себя в каждой детали этого здания. Именно поэтому мысль о продаже была невыно-

сима. Я понимала, насколько это нелогично. Отель не был человеком. Не мог обидеться, почувствовать себя преданным или умереть от того, что сменился владелец. Но мне всё равно представлялось, будто, подписав документы о продаже, я собственными руками разрушу последнее место, где отец ещё существовал.

Телефон завибрировал.

Сообщение от секретаря.

«Вера Глебовна, к вам приехал Александр Северин. Говорит, что вы получили его письмо. Просит уделить двадцать минут».

Я остановилась посреди лестницы. Перечитала сообщение. Потом ещё раз.

Письмо пришло меньше трёх часов назад. Никакой встречи я не подтверждала. Никакого приглашения не отправляла. Меня поразила не столько наглость, сколько уверенность, с которой совершенно посторонний человек решил распорядиться моим временем.

Я уже набирала ответ с просьбой вежливо отказать, когда заметила мужчину возле стойки регистрации. Впрочем, заметить его было нетрудно. Он не делал ничего особенного. Не разговаривал по телефону. Не раздавал указаний. Не пытался привлечь к себе внимание. Просто стоял чуть в стороне от остальных гостей, держа в руке сложенное тёмное пальто. И почему-то совершенно не вписывался в окружающую суету.

Возможно, дело было в неподвижности. Люди в нашем холле постоянно куда-то торопились. Одни искали чемоданы, другие — паспорта, третьи пытались договориться с администраторами о раннем заселении. Он же выглядел так, словно мог простоять на одном месте сколько угодно.

Я узнала его по фотографии. В жизни Александр Северин оказался выше, чем я предполагала. Тёмный костюм сидел на нём безупречно, но не производил впечатления нарочитой роскоши. Волосы были слегка влажными после дождя, а на запястье виднелись часы с простым кожаным ремешком. Мне не понравилось, что я заметила часы. Ещё меньше понравилось, что следом заметила его руки.

Он поднял голову. Мы встретились взглядами. Это произошло слишком быстро, чтобы я успела подготовить выражение лица. Всего несколько секунд.

Он посмотрел на меня без улыбки, и мне показалось, что узнавание в его глазах возникло раньше, чем он мог убедиться, кто именно стоит перед ним. Странное впечатление. Наверное, он просто видел мои фотографии.

Я была уверена, что он сейчас подойдёт сам. Но Александр остался на месте. Только убрал телефон во внутренний карман пиджака и слегка повернулся в мою сторону. Предоставляя мне возможность решить, состоится ли встреча. Приём, очевидно, был рассчитан на то, чтобы произвести впечатление.

Что ж.

Я медленно спустилась по последним ступеням.

Первое, что я отметила вблизи, — отсутствие привычной деловой улыбки. Большинство инвесторов начинали знакомство с одинакового выражения лица: умеренно приветливого, достаточно уверенного, чтобы внушить доверие, и немного снисходительного. Александр Северин смотрел на меня серьёзно. Не холодно. Скорее внимательно. Будто пытался убедиться в чём-то, что имело значение только для него.

— Вера Глебовна, — произнёс он.

Голос оказался ниже, чем я ожидала. Спокойный, чуть хрипловатый. В нём не было ни излишней любезности, ни привычной деловой торопливости. Почему-то мне сразу представилось, что этот человек редко повторяет сказанное дважды.

— Александр Сергеевич. Не припомню, чтобы мы договаривались о встрече.

Он не смутился. Лишь на мгновение опустил взгляд к моему телефону, который я всё ещё держала в руке.

— Не договаривались.

По крайней мере, он не пытался притворяться.

— Тогда боюсь, вы приехали напрасно.

Я ожидала возражений. Возможно, шутки или попытки сослаться на крайнюю срочность вопроса. Вместо этого он посмотрел в сторону окон. За стеклом бушевал дождь. Ветер гнул молодые деревья вдоль подъездной дорожки, а море почти исчезло в серой пелене.

— Плохая погода для обратной дороги, — заметил он.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это была попытка пошутить. Не самая удачная. Я сдержала улыбку.

Он заметил. Конечно, заметил. И почему-то именно это окончательно меня разозлило.

Мой день состоял из финансовых угроз, чужих проблем и бесконечных попыток сохранить видимость благополучия. А этот человек, прекрасно осведомлённый о моём положении, приехал без приглашения и позволял себе вести себя так, словно ничего чрезвычайного не происходило.

— У вас двадцать минут, — сказала я.

Он коротко кивнул. Ни торжества, ни благодарности. Словно другого ответа и не ожидал.Я развернулась к лифту. И почти физически ощутила его присутствие за спиной. Не прикосновение. Не звук шагов. Просто странную, непривычную необходимость помнить, что кто-то идёт следом.

Это раздражало больше всего.

В кабинете я предложила ему кофе. Не из гостеприимства. Из профессиональной привычки, которую отец когда-то довёл до автоматизма: даже если человек пришёл тебя уничтожить, сначала предложи ему кофе. Александр отказался.

Я указала на кресло напротив стола, а сама заняла отцовское место. Обычно это помогало. Массивный стол создавал необходимую дистанцию. Высокая спинка кресла прибавляла уверенности, а панорамное окно за моей спиной делало кабинет визуально больше.

Сегодня всё оказалось бесполезно.

Александр сел положил на стол тонкую кожаную папку, но открывать её не спешил. Я заметила, как его взгляд скользнул по книжным шкафам, остановился на фотографии отеля, затем переместился к двери. На мгновение он посмотрел на неё так, словно ожидал, что кто-то войдёт. Я почувствовала необъяснимое неудобство.

Люди редко обращали внимание на детали отцовского кабинета. Чаще всего их интересовало окно и открывающийся из него вид. Александр же словно изучал пространство, в котором уже однажды бывал.

— Вы прежде останавливались в нашем отеле?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела подумать. Он перевёл взгляд на меня. Пауза была короткой. Настолько короткой, что в иной день я, вероятно, не придала бы ей значения.

— Очень давно.

Я машинально кивнула. Это объясняло его поведение. В конце концов, «Море» существовало больше двадцати лет, и через него прошли тысячи людей. Но странное чувство никуда не исчезло.

Он наконец открыл папку. Внутри лежали несколько страниц с расчётами, схема инвестиционной сделки и краткая информация о его компании.

Я ожидала увидеть очередное предложение о покупке контрольного пакета акций по цене, которая едва покрывала бы наши обязательства. Вместо этого обнаружила условия предварительного финансирования, потенциально позволявшие сохранить управление компанией за мной.

Я прочитала первую страницу. Потом вторую. Постаралась не менять выражения лица. Условия не были подарком. Александр рассчитывал на прибыль, предусматривал обеспечение и предлагал механизмы контроля за использованием средств.

Но в отличие от большинства людей, обращавшихся ко мне за последние месяцы, он не начинал переговоры с предположения, что я уже проиграла. Это настораживало сильнее откровенно невыгодных предложений. Когда тебе слишком долго показывают закрытые двери, открытая кажется ловушкой.Я подняла глаза.

— Почему именно наш отель?

Вопрос был простым. Даже слишком. Я ожидала услышать о выгодном расположении, туристическом потенциале, возможности развития сети или перспективности премиального сегмента.Ответ Александра оказался другим.

— Меня интересуют проекты с историей.

Я невольно посмотрела на старую фотографию. Почти два десятилетия назад отец вложил в строительство «Моря» всё, что у него было. Потом рассказывал, что первые годы спал по четыре часа, лично проверял номера перед открытием и однажды всю ночь помогал рабочим убирать последствия протечки.

Его история действительно была здесь. Только сомневаюсь, что Александр Северин приехал ради неё.

— История не всегда приносит прибыль.

— Не всегда.

Он произнёс это слишком спокойно. И снова возникло ощущение, что мы говорим о разных вещах.

Я вернулась к документам. Двадцать минут давно закончились, но впервые за несколько недель передо мной лежало предложение, которое стоило изучить.

Это было опасное чувство. Надежда. Она не приходит громко. Не распахивает двери и не обещает счастливого конца. Сначала лишь позволяет представить, что завтра может оказаться немного легче сегодняшнего дня. А потом ты обнаруживаешь, что уже мысленно строишь планы на будущее, которого ещё пять минут назад у тебя не было.

Я слишком хорошо знала, чем заканчиваются такие моменты.

— Мне потребуется время, чтобы проверить документы с юристами.

Александр кивнул. Он не попытался торопить меня, не предложил подписать предварительное соглашение прямо сейчас. Лишь достал из папки визитную карточку и положил рядом с бумагами. Его движения были точными, почти экономными.

Я подумала, что в нём вообще было мало случайного. Каждый жест казался заранее продуманным. Или, что гораздо хуже, доведённым до такой привычки, что уже не требовал усилий.

В какой-то момент я поймала себя на том, что рассматриваю тонкий шрам у основания его большого пальца. Небольшая неровная полоска светлой кожи. Наверное, старый порез. Совершенно незначительная деталь. Тем не менее я запомнила её.

Когда переговоры закончились, за окном окончательно стемнело. Дождь ослаб, но море оставалось неспокойным. Внизу, у подъездной дорожки, загорались фары автомобилей.

Я проводила Александра до двери кабинета. Это была обычная вежливость. Во всяком случае, я предпочитала так считать.

На пороге он остановился. Его взгляд вновь переместился к фотографии отеля на стене. На этот раз он смотрел на неё дольше. Я успела заметить, как изменилось его лицо.

Ненадолго. Внешне почти ничего не произошло: тот же прямой взгляд, та же сдержанная линия губ. Но что-то в выражении глаз стало другим.

Осторожнее. Тяжелее.

Я видела такое лицо у людей, которые внезапно слышали знакомую мелодию или замечали в толпе человека, удивительно похожего на давно умершего родственника.

Взгляд человека, которого настигло воспоминание.

— Вам нравится фотография? — спросила я.

Он не сразу ответил.

— Она старая.

— Ей двадцать лет.

Александр медленно кивнул. Его внимание на мгновение задержалось на восточном крыле здания, которое на снимке ещё выглядело иначе.

— Тогда здесь было меньше окон.

Я удивилась. Не самому замечанию. Тому, насколько уверенно оно прозвучало.

— Вы хорошо помните отель.

— Некоторые места трудно забыть.

Он наконец посмотрел на меня. Я хотела спросить, что именно он имел в виду. Но в этот момент зазвонил мой телефон. На экране снова высветилось имя юриста.

Александр, заметив мой взгляд, сделал шаг к выходу. Я не стала его задерживать. Остановила только у самой двери.

— Александр Сергеевич.

Он обернулся. Вблизи его глаза казались не серыми, как на фотографии, а какого-то неопределённого оттенка между холодным стальным и тёмно-зелёным. Наверное, из-за света, падавшего из коридора.

— Я не люблю, когда люди приходят ко мне без приглашения.

Он выслушал это совершенно спокойно.

— Я учту.

Ответ был вежливым. Почти безупречным.

И всё же меня не покидало чувство, что он позволил мне закончить разговор только потому, что уже получил всё необходимое. Я закрыла дверь.

Прислонилась к ней спиной и впервые за весь день позволила себе устало выдохнуть. Двадцать минут превратились почти в час. Я не подписала никаких документов. Ничего не обещала. Даже не согласилась на повторную встречу.

И всё же ощущение было таким, словно я уже сделала первый шаг куда-то, откуда будет невозможно вернуться прежней. Глупость.

Я отошла от двери и подняла телефон. Юрист сообщил, что завтра подготовит подробный анализ предложения Северина.

Я слушала вполуха. Мысли упрямо возвращались к одному вопросу. Почему он смотрел на фотографию? И почему мне показалось, что в какой-то момент он почти забыл о моём присутствии?

Через десять минут, когда я уже собиралась домой, в кабинет постучала Нина Белова.

Нина работала в отеле больше тридцати лет — ещё с тех времён, когда на этом месте стоял старый пансионат, который отец позже выкупил и перестроил. Она была одним из немногих людей, позволявших себе обращаться ко мне просто по имени.

Сейчас Нина держала в руках папку с отчётами о заселении. Она вошла, положила бумаги на стол и сразу заметила инвестиционные документы.

— Кто-то новый?

— Потенциальный инвестор.

Нина понимающе кивнула. Я собиралась вернуться к работе, но почему-то добавила:

— Александр Северин.

Её рука замерла на папке. Это было едва заметное движение. Настолько маленькое, что я могла бы его пропустить. Но за годы работы в гостинице я научилась замечать такие вещи. Мгновение, когда улыбка становится слишком неподвижной. Когда человек начинает дышать

немного тише. Когда пальцы, секунду назад уверенно державшие бумаги, вдруг теряют привычную ловкость.

Нина медленно подняла голову.

— Северин?

— Да. А что?

Она посмотрела на закрытую дверь. Потом снова на меня.

— Он был здесь?

В голосе прозвучало что-то, чего я никогда прежде у неё не слышала. Не удивление. Не любопытство. Страх. Я почувствовала, как неприятно похолодели пальцы.

— Примерно час назад. Нина, ты его знаешь?

Она молчала. Слишком долго.

Наконец опустила взгляд на лежавшую передо мной визитку. Мне показалось, что она постарела за эти несколько секунд.

— Как его зовут полностью?

— Александр Сергеевич Северин.

Нина закрыла глаза. Всего на мгновение. Когда открыла, её лицо снова выглядело почти обычным. Только губы заметно побледнели.

— Вера, — произнесла она тихо, — пожалуйста, скажи, что ты ничего ему не подписала.

Я смотрела на неё, не понимая. За дверью кабинета кто-то прошёл по коридору. Скрипнула тележка горничной. Внизу, в ресторане, негромко заиграла музыка. Отель продолжал жить своей привычной жизнью.

— Нина, объясни, что происходит.

Она перевела взгляд на фотографию отеля. Ту самую, возле которой совсем недавно стоял Александр. И вдруг я поняла, что она смотрит не на здание. Она смотрит на восточное крыло. На ту часть фотографии, которой Александр уделил столько внимания.

Нина медленно опустилась в кресло.

— Господи, — прошептала она. — Значит, всё-таки вернулся.

Внутри что-то неприятно сжалось.

— Кто вернулся?

Она посмотрела на меня. И в её глазах было столько неподдельного ужаса, что я впервые за этот день забыла о деньгах, кредитах и завтрашних платежах.

— Тот мальчик, Вера.

Я ничего не ответила. Не могла.

Нина обхватила ладонями край стола, словно боялась потерять равновесие.

— Тот, чью сестру мы не смогли спасти.

Глава 2. Неприличное предложение

У страха есть одна особенность, о которой редко говорят. Он не всегда заставляет человека бежать, кричать или искать спасения. Иногда страх делает нечто совершенно противоположное: лишает происходящее всякого смысла. Ты смотришь на знакомое лицо, слышишь слова, понимаешь их по отдельности, но никак не можешь соединить в одну законченную мысль.

Именно это случилось со мной.

Я стояла посреди отцовского кабинета и смотрела на Нину, ожидая, что она рассмеётся, извинится за неудачную шутку или хотя бы объяснит, почему появление обычного инвестора заставило её побледнеть.

Но Нина молчала. Её руки лежали на коленях, и я заметила, как большой палец правой медленно растирает костяшку левой. Она делала так всегда, когда нервничала. В детстве я думала, что у неё просто болят суставы. Теперь мне впервые пришло в голову, что у человека, которого знаешь почти всю жизнь, могут существовать привычки, происхождение которых тебе совершенно неизвестно.

— Какую сестру? — наконец спросила я.

Собственный голос показался мне чужим. Нина посмотрела на меня с таким выражением, будто собиралась сообщить что-то непоправимое. Затем её взгляд скользнул к фотографии отеля, и она отвела глаза.

Мне не нравилось, когда люди так смотрели на вещи, принадлежавшие отцу. Последние четыре месяца это происходило слишком часто.

После похорон я обнаружила, что практически все сотрудники старше сорока лет начали разговаривать со мной каким-то особенным тоном. Осторожным. Почти виноватым. Они умолкали, когда я входила в помещение, и слишком быстро переводили разговор на рабочие вопросы. Я объясняла это жалостью. Теперь впервые усомнилась.

Нина медленно поднялась.

— Давно это было, Верочка.

Она не называла меня так при посторонних. Только в детстве, когда я приходила на кухню за горячими булочками и требовала, чтобы их посыпали сахаром.

От этого уменьшительного имени мне неожиданно стало неуютно.

— Насколько давно?

— Почти двадцать лет.

Двадцать. Я невольно посмотрела на фотографию. На её обратной стороне отец когда-то написал дату открытия нового гостиничного комплекса. Я помнила её наизусть, потому что любила рассматривать снимок и считать, сколько мне тогда было лет.

Семь. Мне было семь.

Воспоминания об этом возрасте сохранились обрывками, как плохо проявленная плёнка. Красное пальто, которое я ненавидела из-за колючего воротника. Запах новой мебели. Мамины серьги в виде маленьких золотых капель. Отец, разрешивший мне нажать кнопку лифта до самого верхнего этажа.

И ещё что-то. Какой-то зимний вечер. Много взрослых. Шум.

Я нахмурилась, пытаясь удержать ускользающее ощущение, но память не предложила ничего определённого.

— Нина, я не понимаю.

Она тяжело вздохнула.

— В восточном крыле был пожар. Ты тогда совсем маленькая была. Девочка погибла. Катя её звали.

Имя ничего мне не сказало. И всё же я ощутила неприятное давление где-то под рёбрами. В отеле случился пожар, в котором погиб ребёнок, а я узнавала об этом от главного администратора спустя двадцать лет.

Хотя нет. Это было неправдой. Я знала о пожаре. Слышала о нём в детстве. Встречала упоминания в старых документах. Отец однажды рассказывал, что после несчастного случая пришлось полностью менять противопожарную систему и ремонтировать несколько этажей.

Я даже помнила, что восточное крыло закрывали на долгую реконструкцию. Просто смерть девочки никогда не была частью этой истории.

В моей памяти пожар существовал исключительно как неприятное событие из прошлого гостиницы. Старая авария, после которой отец сделал всё необходимое, чтобы подобное больше не повторилось.

Не трагедия. Не чья-то оборвавшаяся жизнь.Я вдруг почувствовала стыд. Бессмысленный, нелогичный стыд за то, что столько лет проходила мимо этих стен, не подозревая, что для кого-то они были последним местом, где он видел свою сестру.

— Почему ты раньше не рассказывала?

Нина медленно покачала головой.

— Не было причин.

Это прозвучало неправдоподобно. Причин, возможно, действительно не существовало. Но сама формулировка раздражала. В ней было что-то от привычки взрослых решать, какие события заслуживают внимания детей, а какие лучше навсегда оставить за закрытой дверью.

Особенно если детям уже двадцать семь. Я подошла к столу и взяла визитку Александра. Матовая бумага. Чёрные буквы. Номер телефона. Ничего необычного.

Только теперь она казалась совершенно другой. Несколько минут назад передо мной лежали контактные данные потенциального инвестора. Теперь я держала в руках имя мальчика, который когда-то потерял здесь сестру.

Мне стало не по себе от воспоминания о нашей встрече. О том, как он смотрел на фотографию. Как заметил, что раньше в восточном крыле было меньше окон. Как произнёс, что некоторые места трудно забыть.

Я снова вспомнила его лицо. Неприветливое. Спокойное. Почти неподвижное. И впервые задумалась, сколько усилий могло потребоваться человеку, чтобы сохранить такое выражение, стоя в здании, где произошло худшее событие его жизни.

— Он приехал из-за этого?

Нина не ответила. Зато посмотрела на меня так, что вопрос вдруг показался гораздо важнее, чем я предполагала.

— Не знаю, Верочка.

Она говорила тихо. Слишком тихо для женщины, которая обычно могла одним замечанием прекратить ссору двух взрослых мужчин в холле.

— Но я бы на твоём месте была осторожнее.

После её ухода я долго сидела в кабинете. Ничего не делала. Не открывала почту, не проверяла отчёты, не отвечала на сообщения. Просто смотрела на лежащую передо мной визитку, словно она могла самостоятельно объяснить, что именно произошло.

Всё было до смешного нелепо. Мужчина приехал предложить финансирование. У него имелась личная история, связанная с нашим отелем. В этом не было ничего преступного. Люди постоянно возвращаются в места, где когда-то пережили важные события. Иногда радостные, иногда страшные. И не каждое возвращение обязательно означает попытку свести счёты с прошлым.

Но почему-то мне не удавалось заставить себя поверить в случайность. Возможно, дело было в Нине. Я знала её достаточно долго, чтобы понимать: она не из тех людей, кто пугается

без причины. Или мне просто хотелось найти объяснение внезапному беспокойству, которое не проходило с момента встречи с Александром.

Я открыла поисковую систему. Напечатала название отеля, год пожара и фамилию Северин. Результатов оказалось немного. Несколько старых новостных заметок. Короткие сообщения о возгорании в гостиничном комплексе. Упоминания технических нарушений и последующей реконструкции.

Один материал сопровождался фотографией. Я нажала на неё. На экране появилось знакомое здание. Только не такое, каким я привыкла его видеть. Восточное крыло было почти полностью скрыто за пожарными машинами. Из разбитых окон поднимался дым. На мокром асфальте лежали пожарные рукава, а возле входа стояли люди в куртках с поднятыми воротниками. Я увеличила снимок. Изображение распалось на грубые квадраты. В левом углу, почти за пределами кадра, виднелась женщина. Она сидела на бордюре, опустив голову, а рядом с ней стоял мальчик. Высокий для своего возраста, худой, в тёмной куртке. Лица было не разобрать.

Я смотрела на эту фигуру дольше, чем следовало. Потом закрыла вкладку.

В детстве мне казалось, что все взрослые всегда знают, что делают. Что в любой чрезвычайной ситуации найдётся человек, который примет правильное решение. Врач вылечит. Пожарный спасёт. Родители защитят. И только взрослея начинаешь замечать, насколько хрупкой была эта уверенность. Иногда никто не успевает. Иногда ошибаются именно те, кто должен был знать лучше остальных. Иногда маленькая девочка погибает в гостинице, а спустя двадцать лет другая девочка, уже выросшая, сидит в директорском кабинете и впервые узнаёт её имя.

Я потёрла переносицу. Голова начинала болеть. Но настоящая проблема заключалась в другом. Я больше не могла смотреть на финансовое предложение Александра так же, как час назад. Если бы он оказался обычным инвестором, я без колебаний отправила бы документы юристам и назначила новую встречу.

Теперь в любом его действии мог существовать второй смысл. И хуже всего, что я не имела ни малейшего представления, какой именно.

Домой я вернулась около одиннадцати.

Квартира встретила меня запахом остывшего кофе, который я оставила утром, и полной тишиной.

Раньше я любила тишину. После целого дня среди людей она казалась роскошью. Возможностью наконец перестать улыбаться, отвечать, объяснять, принимать решения. Теперь тишина стала похожа на ещё одного жильца. Она ждала меня за дверью, садилась рядом за кухонный стол и сопровождала из комнаты в комнату.

Я бросила сумку на диван, сняла туфли и прошла на кухню. В холодильнике обнаружились половина лимона, упаковка йогурта и контейнер с едой, которую я совершенно не помнила.

Открыв крышку, я некоторое время изучала содержимое. Потом закрыла.

Сегодня мне не хотелось выяснять, сколько дней назад я готовила рис.

Я выпила воды прямо из бутылки и прислонилась к столешнице.

За окном мокрый город светился редкими окнами. Где-то проехала машина, оставив на асфальте длинный красный отблеск задних фонарей. Соседи сверху передвигали мебель. Или убивали кого-то тяжёлым шкафом. Судя по звукам, второй вариант казался не менее вероятным.

В обычный вечер я бы раздражённо постучала по батарее. Сегодня у меня не было на это сил. Я взяла телефон. Открыла контакт отца. Он всё ещё был закреплён вверху списка избранных. Четыре месяца назад я собиралась удалить его оттуда. Потом решила, что сделаю это позже.

Позже не наступило.

Последнее сообщение от него состояло из трёх слов.

«Не задерживайся сегодня».

Обычное сообщение. Он отправил его за несколько дней до смерти, когда я допоздна готовила отчёт по реконструкции. Я тогда ответила коротким «хорошо» и, разумеется, задержалась. Теперь иногда перечитывала эти слова, пытаясь вспомнить, почему не позвонила ему в тот вечер. Почему не спросила, как прошёл его день. Почему не сказала ничего важного.

Смерть удивительным образом превращает обыкновенные разговоры в доказательства упущенных возможностей. Я закрыла переписку. Потом открыла письмо Александра. Прочитала его ещё раз.

Мой взгляд остановился на номере телефона.Я могла позвонить прямо сейчас. Спросить, зачем он приехал в отель, где погибла его сестра. Почему ничего не сказал об этом. И почему вообще решил предложить помощь дочери человека, который руководил гостиницей в ту ночь.

Но я не позвонила. Не потому, что боялась ответа. Просто внезапно поняла, что не хочу показывать ему, насколько сильно эта история меня заинтересовала.

Возможно, это было глупо. Но гордость редко бывает разумной. Особенно когда больше почти ничего не осталось.

На следующее утро я приехала в отель раньше обычного. Ночь была короткой и беспокойной. Мне снилось что-то бессвязное: бесконечные коридоры, закрытые двери, запах мокрого дерева. Несколько раз я просыпалась с ощущением, будто забыла сделать нечто очень важное. К шести утра окончательно оставила попытки уснуть. Теперь, стоя перед зеркалом в туалетной комнате собственного кабинета, я пыталась скрыть последствия бессонницы консилером. Получалось посредственно. Тёмные круги под глазами упрямо проступали сквозь косметику, а волосы, собранные в низкий пучок, выглядели так, словно я сделала причёску в движущемся автомобиле.

Я посмотрела на себя. Поправила выбившуюся прядь. Распустила волосы. Собрала снова. Потом вдруг поймала себя на мысли, что слишком стараюсь хорошо выглядеть.

Это было нелепо.

Встреча с Александром ещё даже не была назначена. А я уже вела себя так, словно собиралась к нему на свидание. От этой мысли стало неприятно.

Я резко выключила свет и вернулась к столу.

На ноутбуке ждали новые сообщения. От бухгалтерии. От юристов. От поставщика гостиничной косметики. И одно — от Александра Северина.

Отправлено в 07:12.

«Доброе утро, Вера Глебовна. Предлагаю сегодня обсудить дополнительные условия сотрудничества. В 15:00 я буду свободен. Если время неудобное, предложите другое».

Я несколько секунд рассматривала сообщение. Меня раздражала его краткость. Раздражала уверенность. Раздражало то, что он, очевидно, прекрасно понимал, насколько я заинтересована в продолжении переговоров. Особенно раздражало, что он был прав.

Я отправила письмо юристу с просьбой ускорить предварительную проверку документов. Затем ответила Александру.

«15:00. В моём кабинете. Прошу не опаздывать».

Ответ пришёл почти сразу.

«Буду вовремя».

Я почему-то представила его лицо, когда он писал эти два слова. И немедленно закрыла переписку.

Весь день я пыталась убедить себя, что предстоящая встреча ничем не отличается от десятков предыдущих. Обычные переговоры. Обычный инвестор. Обычные документы. Но стоило взгляду задержаться на часах, как внутри возникало неприятное напряжение. Я знала, что оно связано не только с деньгами. Впрочем, признаться в этом самой себе оказалось гораздо труднее, чем хотелось бы.

В половине третьего я попросила принести в кабинет воду. В четырнадцать сорок пять проверила, правильно ли расположены документы. В четырнадцать пятьдесят две раздражённо осознала, что уже третий раз поправляю манжету блузки.

Я перестала этим заниматься. Ровно в три раздался стук. Александр вошёл без спешки, в тёмно-сером костюме и светлой рубашке. Сегодня он выглядел иначе. Не столько из-за одежды, сколько из-за какого-то внутреннего спокойствия, которое мне хотелось принять за самоуверенность.

Он поздоровался. Я указала на кресло. Не предложила кофе. Мелкая месть, но в тот момент она показалась мне вполне достойной. Он заметил отсутствие предложения. Или мне просто захотелось, чтобы заметил.

Мы начали с документов. Я задала несколько вопросов о структуре финансирования, сроках и обеспечении. Александр отвечал подробно, не уходя от цифр и не пытаясь объяснять очевидное. Это неожиданно располагало к нему. Слишком многие мужчины на переговорах считали необходимым рассказывать мне о принципах управления бизнесом с таким видом, словно я случайно забрела в директорский кабинет по дороге в маникюрный салон.

Александр не делал ничего подобного. Он слушал до конца. Иногда просил уточнить вопрос. Иногда не соглашался. Но ни разу не позволил себе того снисходительного тона, который я научилась распознавать ещё до окончания первого предложения. В какой-то момент я обнаружила, что обсуждаю с ним финансовую модель почти с удовольствием. И это тоже показалось мне опасным. Когда человек слишком быстро оказывается удобным собеседником, начинаешь забывать, насколько мало о нём знаешь.

Я положила ручку на стол. Пора было задать вопрос, который не давал мне покоя со вчерашнего вечера.

— Вы знали моего отца?

Александр перестал перелистывать документы. Не резко. Просто остановился. В его лице ничего не изменилось, но я заметила, как напряглась кисть руки, лежавшей на папке.

— Да.

Одно слово. Ни оправданий. Ни удивления.

Я почувствовала, как сердце сделало неприятный тяжёлый удар.

— Почему вчера не сказали?

— Вы не спрашивали.

Мне захотелось рассмеяться. Не от веселья. От возмущения. Формально он был прав. Но именно такие ответы я ненавидела больше всего. В них было слишком много пространства для недосказанности.

— Значит, теперь спрашиваю. Откуда вы его знали?

Он некоторое время молчал. Затем посмотрел на фотографию отеля. Уже знакомым мне взглядом.

— Моя семья останавливалась здесь много лет назад.

Я ждала продолжения. Его не последовало. В комнате стало так тихо, что я услышала, как за стеной включилась система вентиляции.

Мне хотелось произнести имя его сестры. Посмотреть, как изменится лицо. Понять, что скрывается за этим безупречным спокойствием. Но я вдруг представила двенадцатилетнего мальчика на мокром асфальте перед горящим зданием.

И не смогла.

Каким бы ни был настоящий мотив его приезда, трагедия оставалась его собственной. Я не имела права использовать чужое горе в качестве инструмента переговоров.

По крайней мере, пока он сам не сделает его частью разговора.Я вернулась к бумагам.

— Хорошо. Тогда давайте обсудим то, ради чего вы приехали.

Александр некоторое время смотрел на меня. И впервые за две встречи я увидела в его глазах нечто похожее на удивление. Будто он ожидал другого решения. Будто приготовился к вопросу, который я сознательно не задала. Это неожиданно доставило мне удовольствие.

Вторая часть переговоров началась странно. Александр убрал финансовые документы и положил передо мной тонкий лист бумаги. Всего одну страницу.

Я посмотрела на заголовок.

«Предварительная концепция публичного партнёрства».

Внутри неприятно шевельнулось подозрение. Я пробежала текст глазами. Совместные публичные появления. Согласованная информационная стратегия. Демонстрация личной вовлечённости инвестора в судьбу отеля.

Пока всё выглядело как обычная PR-кампания. Дорогая, избыточная, но вполне объяснимая. А потом я дошла до последнего абзаца.

Прочитала его. Вернулась к началу. Прочитала снова.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что я правильно понимаю написанное. Я подняла голову. Александр сидел напротив с совершенно невозмутимым выражением лица. На какую-то долю секунды я решила, что он проверяет моё чувство юмора. Возможно, не самым удачным способом. Но он не улыбался.

— Вы серьёзно?

— Вполне.

Я посмотрела на документ. Потом на него. И снова на документ.

В абзаце предлагалось сформировать публичный образ устойчивого личного союза между мной и Александром Сергеевичем Севериным. Проще говоря, изображать пару. Более того — помолвленную пару. Три месяца. Девяносто дней, в течение которых я должна была появляться рядом с ним на мероприятиях, давать согласованные комментарии прессе и создавать впечатление, будто между нами существуют романтические отношения. Я перечитала предложение в третий раз. Ничего не изменилось.

Слова по-прежнему находились на своих местах.

Мне вдруг захотелось узнать, существуют ли специальные медицинские исследования, посвящённые тому, как долго человек может оставаться вежливым, прежде чем запустить в собеседника тяжёлым предметом. На моём столе стояла бронзовая подставка для ручек. Вполне подходящая.

— Объясните, — попросила я.

Собственный голос прозвучал удивительно спокойно. Александр рассказал о репутационных рисках. О необходимости показать рынку, что его участие не ограничивается разовым вложением средств. О доверии партнёров, публичном интересе и возможностях привлечения дополнительных инвесторов.

Он говорил убедительно. Даже слишком. Если бы речь шла об обычном деловом партнёрстве, я, возможно, сочла бы его аргументы разумными. Но предложение изображать чужую невесту не становилось менее абсурдным только потому, что было оформлено на фирменном бланке.

Пока он говорил, я разглядывала его лицо. И пыталась понять, какой именно жизненный опыт позволяет взрослому мужчине предлагать подобные вещи с таким спокойствием. Вероятно, большие деньги действительно меняют восприятие действительности. Когда достаточно долго получаешь желаемое, постепенно начинаешь путать собственные желания с объективной необходимостью.

— Вы можете просто инвестировать в отель, — произнесла я, когда он закончил. — Без этого спектакля.

— Могу.

Я замолчала.

Ответ оказался неожиданным. Он не стал объяснять, почему предложение абсолютно необходимо. Не попытался убедить меня, что иначе финансирование невозможно. Просто согласился.И от этого ситуация стала ещё более непонятной.

— Тогда зачем?

Александр слегка откинулся на спинку кресла. Впервые за всё время нашего знакомства он выглядел так, словно действительно выбирал слова.

— Мне важно, как будет выглядеть наше сотрудничество со стороны.

Я посмотрела на него.

— И для этого вам необходима невеста?

— Именно вы.

На мгновение я растерялась. Не из-за романтического подтекста. Его не было. Во всяком случае, я не почувствовала ничего, что напоминало бы флирт. Скорее наоборот. Он произнёс это с той же интонацией, с которой несколько минут назад обсуждал структуру задолженности. Словно речь шла о конкретном активе. Объекте, обладающем определённой ценностью для его планов. И это было унизительно.

Я вдруг очень отчётливо почувствовала разницу между нами. Он пришёл сюда с предложением. Я сидела напротив, пытаясь спасти компанию от финансового краха. Он мог встать и уйти. Я — нет. По крайней мере, не могла уйти от тех обязательств, которые ждали меня за дверью. Александр имел право на любые странные идеи. Мне приходилось рассматривать даже те, которые оскорбляли моё достоинство. И я ненавидела это ощущение. Ненавидела его за то, что он поставил меня в положение человека, вынужденного обсуждать стоимость собственной свободы.

Хотя, если быть справедливой, он не угрожал. Не требовал немедленного согласия. Не обещал оставить меня без финансирования, если я откажусь. Он просто предложил сделку. И всё же от этого не становилось легче.

Иногда самое неприятное в неравенстве заключается в том, что никто даже не обязан вести себя жестоко, чтобы ты его почувствовал. Я аккуратно сложила лист пополам. Потом ещё раз.

Медленно. Очень тщательно. И положила перед Александром.

— Нет.

Он посмотрел на бумагу. Ничего не сказал.

— Я готова обсуждать инвестиции, кредитные обязательства и даже ваше участие в управлении отдельными проектами. Но мою личную жизнь мы обсуждать не будем.

Я выпрямилась. Теперь мне действительно хотелось, чтобы он ушёл. Не потому, что я была уверена в собственном решении. А потому, что боялась начать сомневаться.

Он взял сложенный лист. Провёл большим пальцем по сгибу. И вдруг мне показалось, что он впервые за весь разговор перестал быть полностью уверенным в происходящем.

Это длилось мгновение. Затем он поднялся.

— Я понял вас, Вера Глебовна.

В его голосе не было раздражения. Ни обиды. Ни даже разочарования. Странным образом это задело сильнее, чем если бы он попытался спорить.

Я тоже встала. Мы оказались друг напротив друга, разделённые широким письменным столом. Мне почему-то показалось, что сейчас он скажет что-нибудь личное. Не деловое. Что-нибудь, способное объяснить всю эту нелепую ситуацию.Но Александр лишь убрал документы в папку.

— Финансовое предложение остаётся предметом отдельного обсуждения. Ваши юристы могут продолжать его изучать.

Я кивнула. Он направился к двери. И уже на пороге остановился. Я с раздражением отметила, что начала узнавать эту привычку. Останавливаться перед уходом. Будто оставлять за собой право на последнее слово.

— Вы очень стараетесь сохранить этот отель, — произнёс он.

Я не ответила. Мне не требовалось подтверждение очевидного.

— Надеюсь, вы знаете, что именно пытаетесь сохранить.

Он ушёл прежде, чем я успела спросить, что это должно означать. Первые несколько минут после его ухода я чувствовала исключительно злость. Чистую, почти приятную. Злиться оказалось гораздо легче, чем бояться.

Я прошлась по кабинету, открыла окно, тут же закрыла его из-за холодного ветра и с раздражением бросила ручку на стол. Она покатилась к краю. Я поймала её прежде, чем та упала. Разумеется. Даже ручкам в моём присутствии не позволялось совершать самостоятельные поступки.

Я невольно усмехнулась. Потом села. И внезапно почувствовала такую усталость, будто за последние сутки не просто провела несколько переговоров, а собственными руками перетащила весь отель с одного края города на другой.

Тело стало тяжёлым. Шея ныла от напряжения. Под глазами ощущалось неприятное жжение. Я закрыла лицо ладонями. Мне хотелось домой. Не в квартиру с остывшим кофе и пустым холодильником. В другое место. В то, которое существовало до смерти отца, до бесконечных финансовых отчётов, до разговоров о взыскании и до мужчин, предлагавших изображать их невест. Мне хотелось вернуться хотя бы на один вечер в то время, когда можно было просто быть дочерью.

Не управляющей. Не наследницей. Не человеком, от которого чего-то ждут. Просто дочерью. Ужинать с родителями, жаловаться на работу, оставлять грязную чашку на столе и знать, что завтра ничто существенное не изменится. Я так отчётливо представила эту невозможную жизнь, что на мгновение почувствовала запах маминого яблочного пирога. Она пекла его редко. Но всегда с корицей. Я не готовила его уже много лет. Боялась обнаружить, что вкус окажется совсем не таким, каким сохранился в памяти.

В дверь постучали. Я убрала руки от лица. Выпрямилась. И только потом разрешила войти.

Полина стояла на пороге с телефоном в руке. Её глаза были красными. Я сразу поняла, что произошло что-то плохое. Не катастрофа. Катастрофы обычно сообщают по телефону. Что-то достаточно неприятное, чтобы молодой сотруднице стало страшно входить в кабинет руководителя.

— Вера Глебовна, — начала она. — У нас отмена.

Я медленно взяла со стола стакан воды.

— Какая?

Полина назвала фамилию заказчика. Я не сразу осознала услышанное. Это был крупнейший банкет ближайших двух месяцев. Трёхдневное корпоративное мероприятие с размещением гостей, арендой нескольких залов и дополнительными услугами.

Мы готовили его почти полгода. Я лично согласовывала условия. Поступления от мероприятия уже были учтены в нашем краткосрочном финансовом плане.

— Они переносят дату?

Полина покачала головой.

— Нет. Полностью отменяют. Говорят, у них изменились обстоятельства.

Я посмотрела на окно. За ним снова начинался дождь. Не сильный. Просто мелкий, настойчивый, почти незаметный. Вода медленно стекала по стеклу, оставляя прозрачные извилистые дорожки.

Почему-то я подумала о том, что завтра снова придётся выбирать цвет салфеток. Хотя, возможно, уже не придётся. Полина продолжала что-то объяснять о договоре, штрафных условиях и возможности удержать часть предоплаты.

Я слышала её голос. Но смысл слов постепенно исчезал. Сумма, которую мы рассчитывали получить, была значительной. Без неё финансовый прогноз становился ещё хуже. Не безнадёжным. Я упорно цеплялась за это слово. Но гораздо ближе к безнадёжности, чем утром.

Я попросила Полину прислать документы и отпустила её.

Когда дверь закрылась, долго сидела неподвижно.

Потом открыла таблицу. Нашла строку с поступлениями от отменённого мероприятия. Удалила сумму. Формулы пересчитались автоматически. Несколько ячеек изменили цвет. Красный.

Я смотрела на экран и неожиданно почувствовала, как внутри поднимается что-то похожее на смех. Не весёлый. Скорее отчаянный. Я вспомнила Александра. Его спокойное лицо. Сложенный лист бумаги. Девяносто дней. Фиктивная помолвка.

И вдруг поняла, что самое унизительное в его предложении заключалось вовсе не в том, что он посмел его озвучить. А в том, что теперь я знала: завтра могу начать рассматривать его всерьёз.

Вечером я осталась в кабинете одна. Внизу закончился благотворительный приём. Последние гости разъезжались, сотрудники убирали посуду, и отель постепенно возвращался к своему обычному ночному ритму.

Я выключила верхний свет. Оставила только настольную лампу. Её мягкое золотистое сияние падало на документы, перьевую ручку отца и пустую чашку. На стене напротив висела старая фотография. Я долго смотрела на неё. На белые стены. На молодые деревья у входа. На восточное крыло.

Где-то там двадцать лет назад погибла девочка по имени Катя. Её брат вырос. Стал богатым. Успешным. Научился говорить о миллионах так, словно они ничего не значат. А теперь вернулся.

Зачем?

Этот вопрос не давал мне покоя. Я почти физически ощущала, что между прошлым и настоящим существовала какая-то связь, которую я пока не могла разглядеть. Но сильнее всего меня тревожило другое. Александр предложил мне деньги. Потом — странную сделку. И произнёс фразу, которая до сих пор звучала у меня в голове.

«Надеюсь, вы знаете, что именно пытаетесь сохранить».

Я встала и подошла к фотографии. Приблизилась настолько, что смогла разглядеть маленькие трещины на поверхности стекла. Отец всегда говорил, что прошлое не должно мешать будущему. Я помнила эту фразу. Он повторял её слишком часто. Раньше мне казалось, что он просто не любит предаваться воспоминаниям. Теперь я впервые задумалась, не существовало ли среди этих воспоминаний чего-то, о чём он предпочитал молчать.

Я протянула руку к раме. Кончиками пальцев коснулась холодного дерева. И вдруг осознала, что за всю свою жизнь ни разу не спросила отца, что именно произошло в ночь пожара. Ни разу. Он рассказал мне достаточно, чтобы я перестала интересоваться. А я послушно приняла его версию. Возможно, потому, что любила. Возможно, потому, что доверяла. Или просто потому, что детям гораздо легче верить родителям, чем однажды признать: даже самые близкие люди могут скрывать от нас целые жизни.

Я вернулась к столу. Открыла телефон. Нашла контакт Александра. Несколько секунд смотрела на номер. Потом заблокировала экран. Нет. Не сегодня.

Я не собиралась принимать решение в тот момент, когда страх был сильнее здравого смысла. Завтра я поговорю с юристами. Проверю документы. Пересчитаю финансовую модель.

Изучу все возможные способы спасти отель, не превращая собственную жизнь в представление для прессы.

Я сделаю всё, что должна. А потом, если других вариантов действительно не останется, вернусь к его предложению. Я повторила эту мысль несколько раз. Почти убедила себя.

Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера.

Я открыла его.

«Вера Глебовна, это Александр. Я понимаю, что сегодняшнее предложение могло показаться вам неуместным. Не жду немедленного ответа. Но прежде чем окончательно отказаться, прошу вас ознакомиться с приложением. Финансовые условия не зависят от вашего решения относительно помолвки».

Под сообщением находился документ. Я открыла его. Несколько страниц с предварительной структурой финансирования, дополнительными гарантиями и графиком возможных платежей. На первый взгляд всё выглядело значительно разумнее, чем предложения, которые мне присылали раньше.

Он действительно мог помочь.

И, судя по документам, не собирался ставить само финансирование в зависимость от моей готовности изображать его невесту. Это почему-то не успокоило. Наоборот. Теперь я совсем перестала понимать его мотивы. Человек, у которого была очевидная возможность использовать моё положение для получения контроля над отелем, предлагал сохранить за мной управление. Человек, потерявший здесь сестру, добровольно возвращался в здание, связанное с её смертью. Человек, который мог просто заключить инвестиционную сделку, зачем-то хотел превратить её в публичную историю любви. И всё это казалось частью какого-то плана, существовавшего задолго до нашего знакомства.

Я закрыла документ.

За окном темнело море. В его чёрной поверхности едва отражались огни набережной.Я подумала, что завтра обязательно позвоню Нине. Попрошу рассказать о пожаре всё, что она помнит. Найду старые документы. Если понадобится, съезжу в городской архив.Мне нужно было понять, с кем я имею дело. И почему Александр Северин так отчаянно хотел оказаться частью моей жизни.

Я уже собиралась убрать телефон, когда пришло ещё одно сообщение. На этот раз короткое.Без приветствия.

Без подписи.

«И ещё кое-что. Прошу вас не считать моё предложение благотворительностью. У меня есть личная заинтересованность в этом проекте. О её характере мы поговорим отдельно».

Я перечитала его дважды. Затем медленно опустила телефон на стол. Это было первое честное предупреждение, которое он мне дал.

Я ещё не знала, что следовало отнестись к нему гораздо серьёзнее. Не знала, что через несколько недель буду стоять рядом с этим мужчиной перед десятками камер, улыбаться незнакомым людям и чувствовать на талии его ладонь. Не знала, что начну узнавать его настроение по едва заметным изменениям дыхания. Что однажды усну рядом с ним, впервые за долгое время не боясь завтрашнего дня. Что полюблю его. И что именно любовь сделает правду настолько невыносимой.

В тот вечер я знала лишь одно. Александр Северин вернулся в отель, где двадцать лет назад погибла его сестра. И почему-то ему была нужна именно я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.